

№ 338. РЕЧЬ А.Ю. ГЕ НА IV-м ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ.

Заседание 15-го марта
1918 г. (дневное), г.

Москва

(Дается по стенограмме газеты «АНАРХИЯ» (Московской Федерации анархистских групп))

Речь Ге (Анархист) [68]

Товарищи, для того, чтобы уяснить себе смысл той политической ситуации, в которой мы очутились благодаря немецкому ультиматуму и предложению о ратификации мира, нам надо возвратиться ровно на год назад, когда вспышка Русской Революции в тот момент, когда самодержавное правительство собиралось заключить сепаратный мир с германским империалистическим правительством, опрокинула самодержавие. Русский народ не хотел продолжать войну, он хотел возвратиться домой, был проникнут самыми миролюбивыми стремлениями и мечтал о скорейшем прекращении войны, — и русский народ все-таки столкнулся с самодержавием, которое хотело заключить мир. Получился исторический парадокс. Народ, уставший от войны, желающий мира, опрокидывает правительство, которое готово было заключить мир. Почему же это случилось, товарищи? Да потому, что этот мир, который хотело заключить самодержавное правительство, не был миром, на который мог согласиться русский народ. Это был мир империалистический, а не мир революционный. Самодержавие было сметено коалицией с буржуазным правительством и правыми социалистами, которая хотела принудить русский народ продолжать войну, которая находилась на службе у дорогих наших союзников, Франции и Англии. Народ не подчинился, и так же, как он свергнул самодержавие, он свергнул керенщину и соглашателей.

Но на смену к ним пришли большевики. Товарищи, большевизм дооктябрьский не был тем большевизмом, который мы имеем сейчас. Дооктябрьский большевизм был принят рабочей массой трудовой России потому, что он прежде всего разрывал коалицию с буржуазией, с

одной стороны, и потому, что, с другой стороны, требовал революционного мира и отказался от политики соглашательства как с союзным, так и с германским империализмом. Но послеоктябрьский большевизм потерял свою революционную окраску, и если мы до сих пор говорили, что у нас с большевиками, несмотря на все наши расхождения, тактические и программные, есть общий язык революции, то с говорящими на языке реакции у нас ничего общего нет, и сегодня мы должны сказать, что с момента заключения империалистического мира общий революционный язык пропал. Получается, товарищи, какое положение: мы возвращаемся под различными предлогами политики дореволюционной эпохи к самодержавию, соглашаясь заключить империалистический мир с Германией, и как самодержавие соглашалось его заключить, так и теперь соглашается его заключить большевистская власть. Но нам все равно, кто говорит и какие руки подписывают этот договор. Для нас важно, что говорят и что подписывают. А подписывают мир империалистический, а не революционный, и в этом мы усматриваем возвращение к дореволюционной эпохе, к тому миру, который готовило заключить самодержавное правительство. (Голоса: «Осторожнее, а то лишит слова!») Нет, товарищи, мне не надо быть осторожным, потому что я очень ясно устанавливаю разницу между самодержавием и большевиками и между нами и большевиками. Вы выдвигали чисто утилитаристические соображения. Здесь говорили, что этот мир похабный, невыгодный. Товарищи, мы не можем в вопросе о мире, который заключает революционное правительство или революционный народ, становиться на утилитарную точку зрения, — мы должны сказать: если бы не Германия у нас урвала провинции, а мы у нее, может быть, мы уступили бы в договорных отношениях с германским империализмом. Нет, товарищи, точно так же, как мы не можем этого сделать теперь. Вопрос не в том, выгодно или невыгодно, а можно ли, товарищи, заключать мир с германскими империалистами или нельзя заключать с ними мира. Поэтому не прав тов[арищ] Мартов, когда говорит, что не нужно заключать мира, а нужно его обсудить, — этот ультиматум германских империалистов мы не должны обсуждать, а должны отвергнуть. Правда, мы, товарищи, думаем, что этот мир является уступкой германскому империализму, этот мир, который практически все-таки приведет к тяжелым для России результатам; этот мир, который останавливает в Германии революцию, — является актом предательства по отношению к Финляндии, Лифляндии, Курляндии, Украине, этот мир практически совершенно неприемлем, невыгоден. Но не в выгоде для нас вопрос. Этот мир тушит как международную, так и Русскую Революцию, поэтому не с точки зрения выгоды империалистической, а с точки зрения выгоды революционной мы должны этот мир отвергнуть. Вы, товарищи (обращается направо), говорите о том, что жалеете Русскую Революцию! Перестаньте лицемерить! Когда мы говорим о Русской Революции, то мы жалуем о социалистической революции, а вы до сих пор, до заключения этого мира, не жалели о ней. Вы создавали предпарламент и вместе с Корниловым и Керенским вы боролись с Русской Революцией. И если вы сегодня плачете о том, что этот мир является предательством Лифляндии, Курляндии, Эстляндии, Финляндии, Малороссии, то я вам скажу, что вы, говоря об этом, призываете нас к созыву Учредительного собрания и предлагаете совершить еще одно предательство Великодержавии и Центральной России. Мы не ставили вопроса утилитарно.

Для нас это вопрос революционной этики, морали, и, может быть, вы в момент соглашательской политики приветствовали коалицию с буржуазией, мы в это время требовали разрыва коалиции с буржуазией и за границей, ибо мы знали одно только, что

разрыв коалиции с буржуазией в России при условиях сохранения коалиции за границей не даст ничего с революционной точки зрения, потому что нам, вследствие империалистического мира, придется восстановить коалицию здесь с буржуазией в своей собственной стране. Нам придется поневоле прийти к тому, к чему хотят насильно затащить нас эти господа (указывая направо). Мы всегда говорили: в истории нет и не может быть такого момента, который требовал бы от трудящихся соглашения с буржуазным правительством. На этом основании мы отвергали Учредительное собрание, всякую коалицию, парламентскую работу, и на этом основании мы отвергаем этот мир. Мы уверены, товарищи, что с революционной точки зрения значительно большее значение даже практически имел бы отказ от принятия этого мира, ибо мы показали бы всему миру, что русский народ не сдается, русский народ не дает диктовать себе условий со стороны Германии. Русская Революция не боится быть раздавленной немецким бронированным кулаком. Соглашаясь принять условия немецкого мира, мы сдаем наши революционные позиции, мы пасуем перед немецким бронированным кулаком, мы заявляем, что Русская Революция вынуждена подписать империалистический мир, вынуждена отказаться от своих дооктябрьских требований, вынуждена пасовать перед германским империализмом. Правда, нам говорят, что вы получаете непосредственную выгоду: Русская Революция в центре России сможет развиваться. Такова кажущаяся непосредственная выгода, которую мы якобы получаем от этого мира. Она тяжелым камнем ляжет на Русскую Революцию уже через две-три недели после ратификации этого мира. Даже если бы этого не было, я скажу: лучше умереть за социалистическую революцию, чем влачить жалкое существование за счет соглашения с германскими империалистами.

Анархия. М., 1918. № 20. 17 марта. С. 2.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 марта 2026 15:01:40

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 марта 2026 15:02:21